

Опись 4689439/960-g

Архив RAV140934

Штамп 1: Материалы не подлежат открытой публикации до 07 октября 1996, ввиду возможного ущерба общественной нравственности. Дата: 07 октября 1946г.

Штамп 2: Разрешен ограниченный доступ. Дата: 08 октября 1996г.

Седьмой фигурант
(четвертый допрос)

Дело N-12.

Выписки из томов 16, 17 (использованы выдержки из дела 2415Н-9)

Следователь: Из ваших слов на предыдущих допросах выходит, что все эти пытки несчастных женщин, да и мужчин тоже - просто учеба на безвинных людях была?

Допрашиваемый: Ну, если по мирному времени смотреть, в основном - да. Только вы же поймите, они все не просто так заключенными оказались. Выходит, не такими уж безвинными были. И, кстати, уроки у нас не только совсем такие учебные были. Несколько раз и настоящий допрос проводили. Один раз и я тоже.

С.: Неужели?

Д.: Так точно. Я на хорошем счету в школе был, так что доверили.

С.: И что именно?

Д.: Девку один раз к нам на настоящий допрос привезли. Не местная. Лет 25 примерно, симпатичная даже. Застукали, что она там, около Фюрстенберга чего-то фотографировала неположенное. Военные объекты, что ли. Или еще чего такое. А кто такая, откуда, с кем связана, кто послал - не говорит. В комендатуре ее допрашивали, в гестапо потом, все равно молчит. Решили тогда нашими методами попробовать. Ну и меня, конечно, в настоящем деле посмотреть. Это Лотин отец как раз предложил, насчет меня.

В класс к нам эту девку женщина-надзиратель привела. Так что та понятия не имела, что мальчишки с ней заниматься будут. Это случайно так получилось, а как будто нарочно, чтоб лучше допрашивалось. Как я ей раздеться велел, такие глаза вылупила!"Что, - спрашивает, - перед всеми?" Представляете, как сразу подействовало! Ведь она же раньше на допросах вообще ничего не говорила, а тут сразу язык развязался. Как подтвердил, что перед всеми, чуть зарделась, но кофточку сняла, юбку тоже. Осталась в комбинации. Длинной такой, ниже колен. Решила, небось, что разделась уже, хватит. На меня смотрит, что еще скажу. Я, конечно, говорю, чтобы совсем разделась. Покраснела сильнее, но, раз уж начала говорить, вроде, как остановиться не может: "Зачем?", - опять спрашивает. Объясняешь ей, что допрос в голом виде проводить полагается. Вроде как послушалась. Рубашку сняла, пояс, чулки скатала. И на этом все. Красная стоит и говорит: "Все. Хватит с вас". Так что гордая оказалась. Если бы в гестапо, например, бить бы ее за такое стали. Но у нас-то к девкам совсем другой подход.

Подхожу к ней и руку в чашечку лифчика засовываю. Она, видно, совсем обнаглела. Руку мою оттуда выдергивает, да еще пощечину влепляет. Мне-то! Ну, думаю, держись, красотка. Думаешь, бить тебя буду - так не дождешься, без этого управлюсь. Сзади к ней захожу, думаю по самому низу спинки погладить, над штанишками. Где девке почти каждой приятно очень.

Тут вижу, вся поясница у нее в рубцах. Да каких! Видно, на допросах ее не плеткой какой, просто палкой били. Надо же, дураки какие! Почки, что ли хотели отбить? Зачем? С девками же совсем по-другому надо.

За панталончики берусь и быстро ей ягодицы заголяю. Она развернуться ко мне с новой пощечиной стесняется, еще бы - свой зад всему классу покажет. Так что сразу их наверх подтягивает. Мне того и надо - руки-то у нее заняты. В это время ей пуговицы на бюстгальтере расстегиваю. Она за бретельки хватается - я опять штанишки спускаю. Она тогда руки вниз - я лифчик с нее скидываю. Девка - груди заслонять, я - панталоны ей ниже колен. Тут уж она просто не знает, за что хвататься. Руками только от парней загородилась, титьки с лобком прикрыла, так и стоит. А вся труппе просто стонет от хохота, как мы с ней соревнуемся. Я тут спереди к ней захожу: «Разрешите, вам помогу?» И штанишки ее стаскиваю. Она отбиваться от меня не может - руки же придется убрать. Так что не сопротивляется совсем. Наоборот, ногами еще переступила, чтобы совсем снять можно было. А покраснела уже здорово - мне-то сейчас видно. Затем ласково ей так: «Ручки-то убрать придется». Не слушается. Тогда ее по щечке поглаживаю, нежно так: «Ну вы же не хотите, чтобы еще пара ребят к нам подошла, правда? Лучше же без насилия, правда?». Поняла, что я прав. Руки опустила. Голову тоже, в пол от смущения уставилась. Титьки, кстати, у нее неплохие оказались. Хоть небольшие, но форма правильная. А соски в стороны и чуть вверх торчат. От переживаний набухли даже.

В таких случаях допрашиваемых дожать надо. Я ей: «И ноги шире плеч поставь». Опять послушалась. Даже не ожидал, что так быстро с ней справлюсь. Теперь вроде как до свечки очередь должна дойти. Но она же через обыск у нас не проходила, так что неизвестно - девственница или нет. И, значит, в какое место ей эту свечку запихивать. Но сразу между ног обследовать - это неправильно. Для девок такое слишком резко. Все портишь этим, чего добился. Поэтому я сначала нежно так, мягонько ей титьки ласкаю. Соски перебираю, между пальцами мну. Попку затем поглаживать начинаю, ляжки. Чувствую, вроде реагировать начинает. Хоть по-прежнему багровая стоит, но уже не только стыд, что мальчишки на нее голую уставились. Возбуждается чуть-чуть. Это я по глазам определяю, всегда у девок на них смотрю. Она голову уже не только в пол, иногда и на меня поглядывает, что я делаю. Тут главное - не спугнуть, медленно ее раздухарить надо. Не торопиться.

Еще что. Завожу-то ее в первый раз. Без осмотра бабьего места. Потому не знаю, какого она типа. В смысле, где ссальное отверстие находится, ближе к верху или низу. Не знаю поэтому, за какое место в первую очередь хвататься - завлагалище или клитор.

Так что как в шерстку на лобке рукой зарылся, прошу, чтоб ноги еще расставила.

Не так уж это мне нужно было, и без того пролезть мог. Это вроде как испытание - готова она к тому, что дальше будет или еще нет. Ведь понятно, зачем прошу.

Не сразу, но раздвинула. Видно, сначала подумала, что не надо, а потом уж очень захотелось. И точно, как руку к щелке поднес - мокро там, потекла девка.

Ну, думаю, добился своего, пора спрашивать. Так что дальше даже не залезаю. Только чуть-чуть вниз и сразу руку отдергиваю, опять вниз и опять отдергиваю.

Короче, показываю - будешь послушной, так и быть, заберусь. А без этого, мол, ни в какую. И тихонечко так спрашиваю: «Как тебя зовут?» - «Регина», - шепчет.

Быстренько посмотрел тогда на задние столы, где офицеры эти из гестапо уселись. Только так, чтобы она не заметила. Те переглядываются, удивлены даже, что так быстро ее

разговорил. Ревнуют, должно быть, что лучше получается, чем у них.

Средний палец тогда вытянул, до клитора слегка дотронулся, по губкам ее прошелся. Потом во влагалище ввел и сразу назад. Короче, и туда, и сюда попробовал. Бабой оказалась, не девственницей. Но она-то не поняла, что это обследование, думала - ласка. А я палец почему-то убрал, хоть она и позволяет, опять шерстку перебираю. Вроде как непонятно ей, почему я так. Даже удивленно посмотрела. Я тогда спрашиваю: «А фамилия?» Ей, чувствую, уже все, кроме моего пальца, до лампочки становится. «Хостиц», - отвечает. Тоже тихо очень.

Гестаповцы сзади даже не расслышали. Друг у друга переспрашивают, недоумки. А она же не глухая, застыла сразу. Я быстренько пальцем шуровать стал, но, чувствую, не помогает. Зажатая вся стоит, сама на себя сердится, что проговариваться начала. Помню, подумал еще, может это они нарочно, чтобы у меня с ней ничего не вышло.

Ладно, думаю, я тебя все равно раздухарю. Беру свечку и на стул перед ней усаживаюсь. Ну а она, видно, от этих недоумков в себя приходит стала. Вспомнила, что голышом перед кучей парней стоит, да один из них в ее «...» еще копошится. Багровая снова стала, как рак вареный. Всхлипнула даже, на меня пара слезинок упала.

Ноги-то сдвигать не стала, но опять прикрылась, руку мою от себя отпихивает. Не сильно, правда, отпихивает. Помнит еще, как приятно ей было. Так что сумел свечку туда подвести и стал по ее губкам водить. И что характерно, что вновь сухая она стала. Ну а я свечкой туда-сюда, до клитора дотронулся и иду к самому входу во влагалище. Потом опять по губкам к клитору. Несколько минут так делать пришлось, пока она опять не расслабилась. Потом, вижу, потекла она все-таки. Даже пальцы у меня мокрыми стали. Ну а куда денется, думаю, еще не таких научился раскочегаривать. Вот если бы тебе лет семь-восемь было, посложней бы пришлось. Ввожу, значит, ей во влагалище свечку, но неглубоко пока. И вверх-вниз двигать ее начинаю. Сам в лицо смотрю, жду, когда созреет. Вижу, глазки прикрывать стала, зрачки вверх закатываются.

Ну и задышала, конечно. Волосаткой своей чуть подмахивает. Готова, выходит.

Тут главное - не переборщить. Свечку сразу вынимаю, только по губкам вожу и спрашивать начинаю. Откуда ты, мол, родом, да что, да как. Она чего-то бормочет, даже мне не слышно. А сама за мою руку схватилась, и туда, к себе в «...» тянет. Я не поддаюсь, конечно, только вопросы по-прежнему задаю.

Не выдержала девка такой пытки, говорить стала. Правда, ерунду самую только. Где родилась, да училась, да жила. Существенного ничего. Как вопросы важные задаю - мычит в ответ. Двигается только, чтоб самой на свечку насадиться, разя ей не даю. Ладно, думаю, лиха беда начало. Раз уже не молчишь, все нормально будет. Только кончить ты должна, затем охладиться, потом уж заговоришь.

Свечку, значит, до конца втыкиваю, как следует работать ей начинаю. А когда рука наверху, большим пальцем до ее клитора дотрагиваюсь. Дотронулся, и опять вниз. Парням еще головой мотнул, на титьки показал. Со спины к ней кто-то из ребят зашел тихонечко, оба соска покручивать стал. Что характерно, что она и не заметила, кажется. Не до того ей уже было.

Голову вверх подняла, глаза прикрыла, зрачков не видно. Дышит, как в лихорадке.

Мохнаткой своей так меня по руке долбает, что чувствую - вот-вот уже. Так и есть - взвыла и медленней дрыгаться стала. Но душевно так - на всю глубину пытается. Всхлипывает и проседает на свечку, всхлипывает и проседает... Ладно, думаю, сейчас я тебя, Регинушка моя,

ледяной водичкой окачу. Свечку резко выдернул, сбоку встал и подбородок ей поднимаю. «Вот, парни, - говорю, - на шлюху эту бесстыжую полюбуйте. То кочевряжилась, раздеваться не хотела. Целочку из себя корчила. А то нахально кончает перед всеми»; Сам еще в это время ее по животу и титькам похлопываю. Это - чтоб совсем застыдить. Получилось, как по писанному. Что характерно, задницей еще подмахивает чуть-чуть, но это потому, что сразу остановиться не может. Застыла, глаза расширены, на парней смотрит с испугом. До того побагровела, что даже титьки красными стали. Руками тотчас заслонила. От унижения не знает, куда от хохота ребят наших спрятаться. Сейчас только дошло, что тут перед всеми вытворяла. Даже на уроках, на технике допроса, редко получалось так хорошо. Тут ведь она уже кончила разочек, а телу еще хочется. С другой стороны, стыдно ей очень. Значит, в мозгах у нее уже так все соединилось, что девка ничего толком не сообщает. Поэтому еще немножко надо сделать, чтобы совсем они разругались - тело и мозги. Как разругаются, спрашивай чего хочешь, все должна сказать.

Я тогда, как на уроке, велел ей на стол забраться и на корточки присесть, лицом к ребятам. Послушаться-то послушалась, конечно. Но так залезать ухитрилась, что титьки свои в это время ни на секундочку не приоткрывала. На столе тоже уселась, сомкнув колени, так что, кроме ляжек и не видно ничего толком. Короче, стыдится очень. Чего я и хотел. Командую тогда: «Руки на колени, ноги развести!» Тут что характерно, она тут вдруг спорить со мной начала, мол, стеснительно ей это очень. «Дура, - говорю, - все уже твое хозяйство видели в подробностях. И как ты кончала - тоже. Так что в другой компании кочевряжиться будешь, тут перед нами нечего»;

Убедительно сказал, короче. Поэтому она все так и сделала. Ладони на колени положила и широко в стороны их раздвинула. Я сбоку стою, и то мне видно, что у нее из щелки как будто розовый язычок торчит. А парни наши напротив сидят, так что у них перед глазами вообще все детали. Ну, им-то все это вроде, как и до лампочки, девок-то всяких насмотрелись. Главное - она сама это понимает, что вроде как не просто даже голая перед ними, а совсем все нутро раскрыто. Уж о титьках и говорить нечего. Так что стыдно ей, небось, что надо! Потом одной рукой свечку под ней ставлю, другой - на плечо надавливаю, чтоб ниже присела. Затем говорю, чтобы не ленилась, сама свечку держала. И сама чтоб вверх-вниз приседала. «Следи, - еще говорю, - свечка от стола отрываться не должна»; А девка ведь еще разгоряченная, не остыла. Не сообщает еще ни черта. Так что через весь свой стыд стала-таки на свечке ерзать. На пятках сидит, свое хозяйство к парням развернула и дергается туда-сюда. Титьки по сторонам болтаются, рот приоткрыт, оттуда даже слюни текут. Ну я еще для заводки ей клитор тереблю, соски по очереди покручиваю. То левый, то правый, то левый, то правый. Но стесняется все равно, пунцовая сидит. Недолго дрыгалась, минуты две-три только. Потом по глазам ее вижу - кончать собралась.

Звуки соответствующие тоже - мычать стала. По первому разу на столе я ей это позволил. А передохнуть после этого не дал, опять заводит начал. Да еще сзади встал и спиной откинуться на меня велел, чтобы ребятам лучше видно было. Вернее, не столько, чтобы ребятам видно, как для того, чтобы она это поняла и ей стыднее было.

Ну а вот когда ее по новой разбирать стало, тут уж не позволил. Сам за свечку взялся и вожу вслед за ней. Она вверх - и я свечку кверху поднимаю. Она вниз - я туда же. Так, чтобы во влагалище никакого движения. Конечно, соски с клитором в покое оставил. Ей хочется, а я не даю, короче. А сам вопросы задавать начал. Те самые, которые вроде второй секретки. Задам

вопрос, а дальше по-разному. Если молчит, ничего не делаю. Рот только откроет - свечкой чуть двину. А если даже и ответит чего толковое - посиленей дrouch. Что характерно, что не выдержала тетка. Сначала еще крепилась, молчала, помыкивала только, головой мотала. Ну а потом не выдержала, хотелка не позволила.

Заговорила, как миленькая. Грудным шепотом, правда, но все выболтала. И что на Англию работает, и с кем связана, и кто послал. Мне-то все эти откровения до лампочки, а гестаповцы записывают, записывают, даже перья скрипят.

Меня потом в пример ставили, как я эту девку разговорил. И школа на хорошем счету стала, меня начальник за это благодарил. Вот так...

С.: А что с ней потом было?

Д.: Не знаю. Увели куда-то. Думаю, правда, ничего хорошего. Болтушкой ведь оказалась.

С.: Вы почему-то ничего не рассказали про беременных женщин. А по нашим сведениям их довольно часто привозили в вашу школу.

Д.: Так точно, не рассказав. Но вы ведь и не спрашивали. А насчет часто, это не так. Довольно редко.

С.: И все-таки?

Д.: Иногда в поступающей группе одна-две беременных были. А раза три специальные группы были, только из брюхатых. С разными животами, от чуть-чуть, где еще толком ничего не видно, до того, когда уже на сносях. На них показывали, как внутри ребеночек развивается. Из-за этого такие группы обычно - сразу на анатомию. И что характерно, что если уже совсем толстая, раздеваться даже не очень-то и стеснялась. Видно, из-за пуза своего не до того было. А вот нам - наоборот. Мы же на обычных девок так насмотрелись, что дальше некуда. Поэтому новенькое чего-то интересно было. Хотя, если честно, зрелище довольно противное. Особенно, если живот такой огромный, что лобка даже не видно.

Мне больше даже на титьки их нравилось смотреть. Они налитые были почти у всех, а сосок большой и багровый. Кружок вокруг соска тоже багровый. И на грудях прожилки все видны, по которым кровь идет. У многих из них еще лобок был бритый. Почему-то именно у беременных. Обычные девки редко себе "..." брили. А на сносях - это они еще до ареста к родам готовились, чтобы никакая зараза на ребенка не попала. Даже смешно тогда было. У тетки пузо огромное, ащелка, как у девчонки маленькой. Шерстки никакой, разрезик с самого начала виден. Только, правда, из этого разрезика губы огромные висят, как лопухи почти. И клитор тоже большой, не девчачий.

Еще интересно было - иногда какая-нибудь стоит смирно, и вдруг у нее живот где-то сразу оттопыриваться начинает. Вздуется, потом опадет. Это значит, там ребенок ручками-ножками дрыгает. Нам, значит, сначала просто так их показывали, стоя. Голых, конечно. Потом их раскладывали, расширитель в "..." вставляли, а мы по очереди между ног смотрели. Руки туда засовывали - щупали, чем брюхатая от обычной девки отличается. Отличается, оказывается, и не только снаружи. Там у нее матка большая становится, рукой трудно даже ущупать, какая большая. Затем матка вниз опускается и ее через влагалище видно становится. Учитель еще рассказывал, что однажды привезли тетку беременную с прозрачным пузом. Вместо кожи стекляшка у нее была вставлена. Сразу на все внутри смотреть можно было. Тоже интересно, должно быть. Но это еще до меня было, я такую не видел.

С.: Так вы беременных только осматривали?

Д.: Никак нет, конечно. Не только. Я же вам рассказывал, что у нас обычно после анатомии бывало. С беременными то же самое. Короче, трахали их. Некоторым парням не очень, а мне нравилось, например. Тут ведь что характерно. Если с обычной девкой этим занимаешься, редко когда "..." своим во что-то упираешься. Разве что, если девчонка маленькая совсем. Но у маленькой влагалище узкое, так что и без того ощущений много. А с брюхатыми по-другому совсем. Все широкое, разболтанное, а чуть поглубже засунешь - преграда. Приятно очень. Только как надавишь посильней, тетка орать начинает. Думаю, нетак от боли, как за ребенка боится. Что ты там ему чего плохое сделаешь. Ну это дуры потому что. Не понимают, что все равно не родят.

С.: Почему?

Д.: Потому что не доживут. Им-то всего оставалось денька два-три.

С.: Что с ними делали?

Д.: После анатомии?

С.: Да.

Д.: Так после анатомии - технология допроса, я же вам говорил. Правда, что характерно, с беременными это плохо получалось. Очень трудно было сделать, чтобы они кончили. А по второму разу - почти никогда. Поэтому и насчет секреток по-доброму не получалось. Бить по животу приходилось. Мне это не нравилось, а вот Лота, например, любила. Особенно совсем брюхатых. Им много и не надо, чуть ударишь - корчатся сразу. Но все равно, редко когда обе секретки выдавали.

А вот дальше... Это с обычными девками, если не болтушка, то все в порядке. А с этими по-другому совсем. Как бы допрос не окончился, все равно в ту комнатку с кафельными стенами потом ведут. Нам показывать, что внутри у нее.

С.: Вскрытие?

Д.: Так точно. Чтобы мы видели, как человек развивается. Только я это не любил. Это я и раньше вам говорил...

С.: Что же, спасибо. Вы все очень подробно рассказали. Если бы все допросы так складывались, как с вами, мы бы за неделю уложились.

Д.: Пожалуйста. А можно спросить?

С.: Слушаю.

Д.: Что со мной будет? Я же ничего особенно плохого не делал... Как все другие только...

С.: Решать будет суд.

Послесловие переводчика: Ну вот, уважаемый читатель, Вы, наконец-то, добрались до конца. Но, не сомневаюсь, еще со второго-третьего фигуранта у Вас начали накапливаться вопросы ко мне. И основной - это правда или вымысел, исторические документы (пусть даже литературно переработанные) или чисто художественное произведение. Еще куда ни шло - голые женщины, изнасилования, бордель, сексуальные рабыни... Но - сажание на кол, формирование сосков под заказчика, а особенно - "подушки" с "полуподушками". Если бы такое было на самом деле, то наверняка стало бы известно...

Отвечаю: НЕ ЗНАЮ!!!

С одной стороны, на 100%-ую фальсификацию не похоже, уж больно информация громадная и, в основном, скучная, тяжело читаемая. Каждый второй документ - какая-то дурацкая справка или служебная записка. Бюрократическая волокита хорошо видна - целый том,

например, занят перепиской по доставке в лагерь 900 кг цемента (виза Гимmlера там даже есть - на более низком уровне столь важный вопрос никак не решался) . Многие факты совпадают с независимыми источниками.

Проверил, например, по химической энциклопедии упоминание о "поллопаса" (допрос сержанта Хонстеля - фигурант 3) , - все верно, изготавливалась в это время такая пластмасса, и действительно под Веной, и свойства примерно такие.

Некоторые даты проверил тоже, например, 8 сентября 1944 - действительно пятница (допрос Греты Вильке - фигурант 4) . Да и про эксперименты по экзотическому выходу из гипотермии (надо добиться эрекции) , про "донорство" (допрос Хонстеля) тоже где-то что-то раньше публиковалось. Про бордели из заключенных женщин и частую "смену персонала" там (допрос Жана Дюфле - фигурант 5) - тоже. Где-то было и про то, что в бараках из-за тесноты женщины должны лежать голышом внахлест друг на друге (допрос рядового Линндера - фигурант 1) .

С другой стороны, несмотря на огромный объем документов (повторю, моя грубая оценка - не меньше 100 МБ, если перевести в DOS кий txt) , отнюдь нет уверенности в подлинности всех этих материалов, там куча нестыковок. В частности, мне показались странными некоторые фамилии (кое-какие из них не очень уж правдоподобно по-немецки звучат) , некоторые факты. Например, то, что прямо около лагеря, в городе Фюрстенберге, была школа СС. В ней зачем-то изучали женскую анатомию и даже "акушерство", а в перерывах между уроками с ведома учителей занимались исключительно групповым изнасилованием "пособий" (допрос Ганса Найтера - фигурант 7) . Почему-то допросы по этой школе - только допросы - приобщены к лагерным, даже нумерация такая же. Какая-то бредятина с "унижением достоинства офицера СС" путем "обнажения мужского полового члена перед не предназначенными для этого заключенными" (допрос Греты Вильке - фигурант 4) . Противоречат друг другу кое-какие описания, цифры, даты и т. п. Но это все можно еще отнести на естественные издержки.

А вот "подушки" никак туда не отнесешь - весьма сомнительно, на мой взгляд, вообще их существование. Подумывал даже о том, чтобы вообще изъять их из перевода, слишком фальшивкой отдает. Ведь, даже если забыть о моральных аспектах, если чисто технически, то - сложная многоэтапная операция, и все ради чего? Делать им в медблоке было что ли нечего? Но, если идти по этому пути, то надо и про казнь на колу выкинуть, не средневековая Турция все-таки.

Затем - про сексуальное обучение личных рабынь, потом - про жетонную систему в казармах и т. д. и т. п. Поэтому решил все оставить как есть.

При первом знакомстве с документами была мысль и о том, что попавшие ко мне материалы - сборная солянка, где настоящие документы разбавлены липовыми. Не проходит - упоминания о тех же "подушках", например, встречаются в массе скучнейших бюрократических и медицинских справок, актов, заключений, служебных записок, протоколов осмотра.

А возможно, просто дело в том, что отнюдь не все факты из пенитенциарной жизни Рейха стали всеобщим достоянием, особенно, связанные с сексом.

Так что еще раз повторяю: не знаю...

Марк Десадов

Ноябрь 1998 - апрель 1999

